

Клауд был замечен беззащитно стоящим рядом с Винсентом, а затем поспешно заткнувшим уши.

— Сложи свои крылья на склонах и холма-а-ах!

Ария не находила слов от звуков, доносившихся через коммуникационное устройство.

Что это, чёрт возьми, такое?..

В одной строке парящие и проникающие ноты снизу сосуществовали, не зная предела. Звук, который безжалостно дрожит, как песня, но это не песня, а скорее ритуал вызова дьявола.

Нет, нет. Песня, которую Ария думала и пела как церемонию вызова дьявола в своей прошлой жизни, была не такой.

Кроме того, он говорил, что во всём хорош, так почему же он поёт таким голосом?..

Возможно, он глуховат, но...

Ей стало его жаль.

Дело не в том, что у него нет способности различать ноты, а в том, что его вокализации были испорчены.

Крики с бойни... Нет. Я думаю, что это слишком грубо.

Ария на мгновение заколебалась, прежде чем достала карточку.

[Ты должен дышать животом.]

Винсент посмотрел на карточку, перестал петь и ответил:

— А как им дышать?..

[И раскрой свои голосовые связки.]

— Голосовые связки - это даже не рот, как контролировать их открывание и закрывание?

[С ощущением увеличения давления в лёгких.]

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

Её слова Винсент не мог понять. Ария вздохнула и покачала головой.

Клауд едва отнял руки от ушей, демонстрируя редкую реакцию отвращения.

— Я думал, у меня лопнут барабанные перепонки.

Винсент ответил:

— Я думал, ты невежествен, но у тебя нет никакого художественного чутья.

Похоже, он даже не догадывался, что у него нет слуха.

Почему? Казалось, он обладал глубокими познаниями в музыке.

Если это искусство, то у в нём нет здравого смысла.

Ария подумала так и протянула ещё одну карточку.

[Это песня из ада?]

— Нет! Я же сказал «Рассвет»? Рассвет! Песня надежды!

Казалось, он пел о том, что надежды не существует в этом мире.

В любом случае, это песня, «Рассвет»...

Слабый яркий дневной свет. И это слово имело значение света надежды. Это была песня, которую Ария никогда не слышала.

Если ноты находились в Атлантиде, это должна быть песня сирены.

Ария научилась пению у Графа Кортеса, а не у той же сирены. Только благодаря Софии, сирене, Граф узнал о песнях и их эффективности.

Это значит, что он знает только те песни, которые пела мама, когда была жива.

Ария задумалась. Потому что, помимо песен, которые она знает сама, это означает, что может

быть несколько других песен.

Можем ли мы найти много других партитур в Атлантиде?

Так она думала...

— В любом случае, песня ещё не допета, так что послушай её ещё немного.

При этих словах Ария и Клауд одновременно задрожали.

— С этого момента я буду петь в полную силу...

[Всё в порядке.]

— Нет, ты должна выслушать меня. Следующая...

[Всё в порядке.]

Не в силах вынести большего потрясения, чем это, Ария покачала головой. Отчаянно размахивая карточкой.

Но Винсент проигнорировал её и попытался настойчиво петь песню, не отрывая взгляда от партитуры.

— Это уже слишком. Ты просила меня разузнать об артефакте, так что, по крайней мере, обрати внимание на то, что внутри.

Нет, дело не в том, что ей было неинтересно... Делал ли он это потому, что действительно не знал, в чём проблема? Он делал это нарочно? Ария прищурила глаза.

Но Винсент поднял глаза к небу, и у него были глаза правды, в которых не было ни капли стыда.

— Ох, моя прекрасная потерянная родина-а-а!

Ария быстро заткнула уши, точно так же, как это сделал Клауд. И она не выдержала и заговорила своим голосом:

— Хватит.

— Ладно.

Затем Винсент вскрикнул.

Глаза Клауда, который поднял руки, чтобы закрыть уши, расширились, как будто они вот-вот выскочат.

— Хватит орать, поверни партитуру ко мне и покажи.

— Сестра... невестка, ты только что заговорила...

Винсент был сломлен.

Ария вздохнула. Тот факт, что все в семье знали, что она сирена, но Винсент был единственным, кто не знал об этом, продолжал преследовать её мысли.

Она действительно думала, что рано или поздно раскроет это.

...Такого никогда не было.

Даже в разгар неразберихи Винсент повиновался приказам Арии в соответствии со своей привычкой.

— С каких это пор... Подожди, значит, ты могла спеть песню сирены с самого начала... – пробормотал он, поворачивая партитуру так, чтобы она могла её видеть.

И он понял. В то же время он почему-то испытывал странное чувство несоответствия, как будто он был единственным, кто не знал того, что знали все в Валентайне.

<http://tl.rulate.ru/book/45791/1902316>